ВЯЧЕСЛАВ МАЙЕР

РАССКАЗЫ

Вячеслав Майер
Майер Вячеслав

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=52196638
ISBN 978-5-4498-6071-2

Аннотация

Автор – социолог, диссидент, эмигрировавший из СССР, не понаслышке знает уголовный мир Сибири. Ёмкие рассказы отличаются меткостью психологических наблюдений и беспощадностью анализа советского быта.

Содержание

БЕЗЛОШАДНИК ВАНЯ ГИТЛЕР 5
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Рассказы

Вячеслав Майер

© Вячеслав Майер, 2020

ISBN 978-5-4498-6071-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЕЗЛОШАДНИК ВАНЯ ГИТЛЕР

Три четверти населения страны не знает своих родословий.
Д. А. Медведев, Президент России

Было это, сейчас кажется, очень давно, в первой половине XX века. Учился я в семилетней школе поселка Дзержинск. Ученики делились на фашистов, к кому относились все немцы в придачу с литовцами и эстонцами, и русских, в среду которых входили коренные сибиряки, хохлы и местные татары. Все фильмы, которые мы еженедельно смотрели в клубе, делились на титровые трофейные о похождениях Тарзана и наши о победах советских воинов над фашистами-немцами в только что закончившейся войне. Немцы всегда проигрывали, были страшные, глупые, грязные, непутевые, русские всегда выигрывали, были умные, рослые, веселые, красивые. Во время демонстрации фильмов мы швыряли в фашистов речную гальку и болты от подков, матерчатый экран шатался, вызывая гнев взрослых. В школе один из учеников Юра Падалкин обозвал меня фашистом, и мне стало так обидно, что я ввязался с ним в драку. Драться мы продолжили после занятий, Юра был старше меня, сильней, и мне досталось. Вскоре мои друзья, узнав, что меня побил Юрка, заступились, и его, в свою очередь, избили. И так перманентно

мы колотили при случае друг друга, пока об этом не стало известно учителям, которые, пригласив нас на ковер, приняли решение. А оно было такое: нам приказали домой возвращаться разными дорогами. Мне досталась дорога, по которой не ходили машины, а Юрке – проезжая. Он мог скорее добираться до дома на попутных машинах, а мне приходилось пешедралить. Естественно, я не стал пользоваться своим путем, и наши драки стали еще более свирепыми, но для меня выигрышными. Юрку Падалкина стали избивать и без моего присутствия, ибо я был более хулиганистым, участвовал во всех школьных проказах и проделках. Тут уже вмешался Юркин отец – пришел к нам домой и нажаловался моему отцу: «Мой сын ходит весь в синяках и кровоподтеках, организатор подобных избиений (это была сущая правда) – твой сын, он хоть и неказистый, но задиристый и ушлый». Отец не стал разбираться и, в свою очередь, унизительно при Юрином отце меня отхлестал ремнем. Я ему это не забыл всю жизнь. Вскоре я с Юркой как-то помирился.

Немцы были всякие: Геринги, Гринвальды, Штоппели, Фрицы… литовцы Валанчусы, Салисы… эстонцы Терасмяги… латыши Рекметы… Когда встречались друг с другом, то, приветствуя, говорили: «Привет, Геринг!», он, в свою очередь: «Привет, Майер!» С осени 1954 года стали с немцев снимать режимы спецпереселений (а они для разных категорий «фашистов» были разные), выдавать «серпастые и молоткастые» паспорта, то семьи стали разбегаться, уез-

жать в другие, обычно ближние сибирские и казахские места. С сибирской стороны в Европу, за Урал-реку и Урал-горы им путь был пресечен надолго, вплоть до 1972 года. В поселках при въезде и выезде убрали шлагбаумы с будками, немцы стали приезжать в города, сидеть на вокзалах, покупать перронные билеты и встречать родственников без разрешения комендантов.

И вот как-то на Иркутском вокзале я встречаю знакомого и к нему: «Привет, Фриц!» Он покраснел, сказал «здравствуй, Майер» и извинительно попросил: «Не называй меня Фриц, мы сейчас не фрицы, у нас другая фамилия». Стал тут же рассказывать о том, как его сестренок школьники, терроризируя и обзывая, чуть не довели до самоубийства. Отец обратился в милицию, и там ему посоветовали сменить фамилию. Никуда не денешься, он согласился. Дали нам новые паспорта, но национальность оставили прежнюю – «немцы». Сейчас мы Леспромхозовы, в милиции сказали, что для немцев остались только такие фамилии: Колхозовы, Трактористовы, Автобусовы, Леспромхозовы, Навозовы… Мы согласились стать Леспромхозовыми, так как работаем в леспромхозе «Большая речка». Оскорбительную кличку «фриц» для всех немцев, включая российских, ввел в словесный пропагандистский оборот самый еврейский из советских русских писателей Илья Григорьевич Эренбург, дважды лауреат Сталинской премии и лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление ми-

ра между народами». Столько, сколько продолжалась война, а это 1418 дней и ночей, и помножьте на два, получится около трех тысяч, столько статей и листовок о «фрицах» (типа «Папа, убей немца!» или «Мы должны вынянчить в сердцах людей ненависть. Пусть живые поймут, что нельзя жить на одной земле с немцами!») написал, обнимая любимую жену-немку и взирая из постели на стены Древнего Кремля, сий человеконенавистник. Этот «советский наци» проживал в доме, расположенном на ул. Горького 8 (сейчас Тверская, 8). И стали с тех пор немцы на просторах одной шестой части света только «фрицами». Вот «фрицы» прижились в русском языке, а другие его придумки типа «гитлерня» великий и могучий отверг. Воззвания-листовки Эренбурга были расклеены по всему Советскому Союзу, они висели на вокзалах и в трудармейских лагерях. Их сбрасывали с самолетов в Польше и Прибалтике, жители которых тогда еще знали русский язык. Особенно негативно их воспринимали в Литве, где сохранялось законодательство Российской империи. Суды там шли по русским законам и на русском языке. А в Польше «друг человечества Эренбург» попал во «враги Речи Посполитой», потому что участвовал в Советской комиссии по катынскому делу, где расстрел чекистами польских офицеров переложили на «фрицев». Людоедское творчество товарища Эренбурга не вынес товарищ Сталин и пресек одним постукиванием трубки. Удивительный человек Илюша (!) во время дела врачей (1952 год) с радостью под-

держал инициативу ЦК, партии, разумеется, и МГБ о депортации всех ашкенази, сефардов, татов и даже бухарских евреев на берега притоков Амура Биры и Биджана (в Еврейскую автономную область). А злые языки говорят, что он был сам инициатором этой идеи, ездил по Москве и уговаривал именитых евреев для спасения народа «добровольно» махнуть через Сибирь, поближе к китайской границе, на созданную в 30-х годах родину и чуть ли не своекоштно.

Значимость фамилии и ее функционирования в обществе я понял при следующих крайне неприятных для меня обстоятельствах. На одном из студенческих возлияний, даже помню, что это было в кафе, которое называлось безбрежно «Океан», мы повздорили, только не ведаю, по какому поводу – или из-за девок, которых не поделили, или по избытку адреналина – в общем, подрались. Было все: крики официанток, разбитая посуда, перевернутые столы, кровь, разодранные по рукавам и лацканам пиджаки и, конечно, наряд милиции. Повязали всех и всех до одного доставили в местное отделение. А там допросы Ф. И. О., место и год рождения, конечно, прописка, а дело было в столице нашей Родины, Москве. Будучи прилично подшофе, я понял, что дело пахнет керосином, и уже в воронке свой студенческий билет и деньги засунул под стельки в ботинках. Начали нас разбрасывать по камерам, и дело доходит до меня. Тут я рискнул не на жизнь, а на смерть. Расскажу, почему на смерть, чуть позднее.

Итак, ваша фамилия – «Брежнев Сергей Леонидович», место рождения – «Москва». Сержант милиции посмотрел на меня удивленно и сказал: «Присядьте вон там, на скамейку». Сижу я ни жив ни мертв, трезвею по минутам, в камеру не отправляют, жду исхода. Наконец, перед рассветом, часа в четыре, слышу запрос по селекторному телефону сверху. «Какие у вас происшествия?» – «Да ничего особенного, драка в кафе, всех дебоширов доставили к нам, среди них Брежнев». – «Леонид Ильич?» – «Да нет, какой-то Сергей Леонидович. Что с ним делать?» Вот тут-то я услышал судьбоносные слова в свой адрес. «Да гони его в три шеи, а то не развяжемся». Нет, меня не вышвырнули из милиции коленкой взад, как обычно бывало, а ласково выперли, чуть ли не под белые ручки. Вышел я на свет божий. Рассвет. Москва в сиренево-яблочном цвету. Одно очарование. Я даже как-то вдруг запел: «Друзья, люблю я Ленинские горы» (слова Евгения Долматовского, музыка Юрия Милютина). И было от чего петь, избежал я тогда очень суровых наказаний. В те далекие 60-е годы пьяниц и дебоширов, попавших в вытрезвитель, стригли наголо, «залупили», как тогда говорили. Штрафовали и направляли дела в районные общественные комиссии. Материалы о хулиганстве и недостойном поведении, позорящем честь и достоинство советского человека, передавали для принятия мер на заводы и фабрики, в парторганизации и учебные заведения. За серьезные правонарушения приговаривали к пятнадцати суткам ареста (выходи-

ло обычно четырнадцать – две недели, так проще для не всегда знающих арифметику ментов), где ты должен был под началом милиции трудиться на позорных грязных работах: чистить снег на улицах, убирать захламленные помещения на предприятиях, грузить песок. На заводах обычно дебоширов и выпивох лишали 13-й заработной платы. В учебных заведениях наказывали строгими выговорами по комсомольской линии с занесением в личное дело. Это легкий исход, более тяжелый – это перевод с очного отделения на вечернее или заочное. Переброска на заочное практиковалась на гуманитарных факультетах. Всегда вчиняли штраф. Если ты не москвич, то прописка аннулировалась, и тебе не оставалась ничего иного, как сматывать удочки и катить в другой город. Нагольная стрижка была всегда, при всех нарушениях. Если сопротивлялся и отказывался добровольно пройти такую процедуру, то, не рассуждая о правах и свободах, привязывали жгутами к стулу и оголяли электробритвами, предназначенными для стрижки овец. При этом бритвенное устройство периодически опускали в сосуд с соляркой, считали, что она уберегает его от вшей, гнид и прочей нечисти, гнездящейся в шевелюрах. А на то явление, что по физиономиям, грудям и плечам текли масленые подтеки, внимания не обращалось. Попал – терпи и не скули.

Весь нерушимый Союз республик был покрыт широкой сетью вытрезвителей, их не было только в Армении. В вытрезвители Тбилиси и Кутаиси забирали по факту гостепри-

имства только русских, курдов и армян с азербайджанцами в придачу, то есть не грузин. Стали в это время возникать и женские приемники. Первый такой появился в Мурманске, а затем уже почин подхватили Москва и Ленинград. Во всех медвытрезвителях отечества раздевали «посетителей» перед укладкой в постель, как мужчин, так и женщин, ловко, зажимая голову между ляжек, крепкие мужеподобные дамы. Буянов привязывали к кроватям и окатывали струями из шланга холодной водопроводной, без подогрева, водой. Кровать была покрыта прорезиненной клеенкой, вода с матраса стекала, и никаких постельных благ – лежи, дыши и не рыпайся. Единственное неудобство – голым пребывать в холоде. А уж если вежливо попросишь, то могут снизойти до милости и набросить на тебя, грешного и оплеванного, рваную простынь. Тут много сейчас бы написали приколов, а раньше сказали бы – этнографических подробностей. В каждом вытрезвителе был свой план приема, ибо находились они на хозрасчете. То есть существовали за счет штрафов и не малых, с «гаврика» полагалось «снять» треть заработной платы в одних городах, в других дело доходило до половины. А это, особенно для семьи, живущей только на зарплату, ой, как ощутимо, просто разорение. Плати деньги сразу при расставании с гостеприимным заведением, но редко у кого гульдены были при себе. Сотрудники как милиции, так и приемников не дремали и карманы шустро шерстили. Выписывались штрафы и направлялись

на предприятия, где бы ты ни жил, в каком конце Союза и, где бы ты ни работал. Попался в Архангельске, а проживаешь в Чите – плати, голубчик. Иначе суд, с всякими накрутками и пенями. Вытрезвители относились к системе Минздрава. Милиционеры, подбирающие пьяных граждан, были заинтересованы в количестве, разыскивая которое, заглядывали во все подворотни и подъезды. Народ был прибран, как сейчас, не валялся. Предприятия ежемесячно получали сводки о том, сколько их подопечных угодило в милицию, и далее статистический разброс: за драки, семейные потасовки, попадание в медвытрезвитель (первый и последующие разы, а тех, кто умудрился посещать их сотни раз, описывали газеты. Районы и области такими визитерами «гордились»). Эти показатели учитывались в социалистическом соревновании между фабриками и заводами. Они, естественно, отягощали статистику. Посему следовал уже на работе вызов к заместителю директора по кадрам (на проработку), в партком (там выговор), в профком (там снятие с очереди на получение жилья, исключение из списка на товары длительного пользования: холодильники, стиральные машины, ковры). Гулеванили – куда же денешься, но под присмотром жен, любовниц, не пьющих (обычно хронически больных) друзей. После возвращения с «северов» в ресторанах Тобольска, Иркутска, Благовещенска, да и других городов Сибири и Дальнего Востока заранее у злачных мест предусмотрительные посетители «ставили» такси, которое дежу-

рило рядом и отвозило клиента в гостиницу или на квартиру к друзьям аль знакомым.

Шестидесятые годы в СССР были не только временем оттепели, как сейчас повсеместно пишут, но и воплощением неподдельного интернационализма. Тогда любили не свои национальные республики, а народы стран трех «А» – Азии, Африки и Латинской Америки. Жители этих континентов боролись против американского империализма, повсеместно впадая в оголтелый национализм и черный расизм, и их за это чтили и им оказывали все виды гостеприимства. В СССР особое уважение проявлялось в том, что пьяниц и хулиганов из данных стран не брали в вытрезвители, и их не задерживала милиция. В милицию также не гребли детей высокопоставленных партийных и иных чиновников, иностранцев (в том числе и монголов), членов зарубежных коммунистических и рабочих партий, детей и родственников данных людей. Особым вниманием были окружены наиболее пострадавшие от колониализма, ими тогда считались негры. Их пропускали без очереди к прилавку, а наиболее совестливые, которыми всегда на Руси были пьяницы, тут же приглашали их «пошепилить» (то есть к ним присоединиться). Этим термином назвалась складчина: на полулитру «Московской» на троих по рублю получалась водка 2 руб. 87 коп., и 13 коп. на закуску, а это батон хлеба. Глагол «шепилить» произошел от фамилии члена ЦК КПСС Шепилова, который по дурости присоединился к антипартийной клике, со-

стоящей из Молотова, Кагановича, Маленкова, Ворошилова, Булганина, Первухина, Сабурова. Дмитрий Тимофеевич Шепилов в народе стал не только известным, но и человеком с самой длинной фамилией в СССР, длиннее мальгашских. Говорили и писали Дмитрий Ипримкнувшийкнимшепилов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.